

Г.-Х. Андерсен

**О ТОМ, КАК БУРЯ
ПЕРЕВЕСИЛА ВЫВЕСКИ**

Художник Р. Столяров

В старину, когда дедушка был ещё совсем маленьким мальчиком и разгуливал в красных штанишках, красной курточке с кушаком и шапочке с пером, в те далёкие времена всё было совершенно иначе, чем теперь.

До чего же занятно послушать дедушкины рассказы — вы и представить себе не можете.

Ведь какие, бывало, торжества устраивались на улицах! Во главе процессии величественно полыхало шёлковое знамя с изображением большого сапога и двуглавого орла. Это сапожники меняли помещение и переносили цеховую вывеску на новое место.

Младшие подмастерья торжественно несли заздравный кубок и большой ларец, а на руках у них развевались по ветру красные и белые ленты. Музыка гремела так, что небо сотрясалось, и самым замечательным инструментом в оркестре была «птица».

Так называл дедушка длинный шест, увенчанный полумесяцем и обвешанный всевозможными колокольчиками и бубенчиками. Шест поднимали и раскачивали из стороны в сторону, колокольчики звенели и бренчали — настоящая турецкая музыка!

Мальчишки и девчонки отчаянно старались протиснуться вперёд, а пожилые кумушки работали локтями, сердито озирались по сторонам и бранились.

Впереди бежал арлекин: лицо у него было вымазано сажей, а колпак украшен бубенчиком. Он размахивал палкой: это была палка-хлопушка, она только громко хлопала и пугала людей, а вреда от неё никому не было.

Всюду слышались говор и смех. Люди стояли на лестницах, высовывались из окон.

Некоторые даже забирались на крышу.

Старший цеховой подмастерье всегда залезал на помост, построенный под самой вывеской, и говорил речь — да не как-нибудь, а в стихах, словно по вдохновению. Народ встречал эту речь криками «ура».

Но ещё громче кричали «ура» арлекину, когда он тоже вылезал на помост и передразнивал оратора.

Все хохотали до упаду, а он попивал себе мёд из водочных рюмок и бросал рюмки в толпу, и люди ловили их на лету.^[12]

А вывеска, вся в цветах и зелени, красовалась на новом месте.

«Такого праздника не забудешь, хоть до ста лет живи», — говорил дедушка. Много кое-чего мог он порассказать, но забавнее всего рассказывал о том, как в одном большом городе переносили вывески.

Дедушка был ещё совсем маленьким, когда приехал с родителями в этот город, самый большой в стране. На улицах было полным-полно народа, и дедушка даже подумал, что здесь тоже будут торжественно переносить вывески. В городе они встречались на каждом шагу.

На вывеске портного было изображено разное платье, и если бы он захотел, то мог бы перекроить даже самого неказистого человека в самого красивого.

Вывеской цирюльнику служил большой медный таз. Были тут вывески с маслом и селёдкой. А сколько всюду висело объявлений и афиш — видимо-невидимо!

Ходи себе целый день взад и вперёд по улицам да любуйся сколько душе угодно на эти картинки. Заодно узнаешь и что за люди живут на улице — ведь они сами вывесили свои вывески.

И надо же было, чтобы вся кутерьма с вывесками приключилась как раз в тот день, когда в город приехал дедушка. Он сам рассказывал об этом, и очень складно, хоть мама и уверяла, что он морочит мне голову.

В первую же ночь, когда он приехал в город, здесь разыгралась страшная буря. До того страшная, что такой ни в газетах никогда не описывали, ни старожилы не помнили. Ветер срывал черепицу с крыш.

Трещали и валялись старые заборы, а одна тачка вдруг взяла да и покати́лась по улице, чтобы убежать от бури. [21]

А буря бушевала всё сильнее и сильнее, ветер дико завывал, ревел и стучал в ставни, стены и крыши. Вода в каналах вышла из берегов и теперь просто не знала, куда ей деваться. Буря неслась над городом.

Вывеску цирюльника — большой медный таз — ветер забросил на подоконник дома советника юстиции.

«Вот это было сделано уж явно не без умысла», — поговаривали соседи. Ведь все называли госпожу советницу «бритвой». Она была такая умная, такая умная, что знала о людях куда больше, чем они сами о себе знали.

Меню, висевшее у входа в кухмистерскую, ветер перенёс к подъезду театра, в который редко кто захаживал. Ничего себе, забавная получилась афиша «Суп из хрена и фаршированная капуста».

Публика валом повалила в театр.

Лисья шкурка с вывески скорняка повисла на шнурке колокольчика у дверей одного молодого человека, который исправно ходил в церковь, вёл себя тише воды, ниже травы, стремился к истине и всем служил «примером», по словам его тётки.

Доска с надписью «Высшее учебное заведение» оказалась на бильярдном клубе.

А на Высшем учебном заведении появилась вывеска детского врача «Здесь дети приучаются к бутылочке». И вовсе это было не остроумно, а просто невежливо! Но уж если буря захочет что-нибудь натворить, то натворит непременно, и ничего ты с ней не поделаешь.

Ну и выдалась же ночка! Наутро все вывески в городе поменялись местами. Каково же было жителям этого города, а особенно приезжим! Они совершенно сбились с толку и ходили как потерянные.

Ведь они привыкли искать дорогу по вывескам! Например, кто-нибудь хотел попасть на заседание деятелей, обсуждающих важнейшие государственные вопросы,

а попадал в школу к мальчикам, которые изо всех сил старались перекричать друг друга и только что не ходили на головах.

А были и такие, что из-за вывески вместо церкви по-
падали...

о ужас!—в театр.

Теперь подобных бурь больше не бывает: такую только дедушке довелось повидать, и то, когда он был ещё мальчишкой. Да и вряд ли такая буря повторится при нас, разве что при наших внуках... А мы дадим им благой совет: «Пока буря перевешивает вывески, сидите-ка лучше дома».^[39]

• КОНЕЦ •

Сценарий Н. МАРТЫНОВОЙ
Редактор Т. СЕМИБРАТОВА
Художественный редактор В. ДУГИН

© Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1981 г.
101000, Москва, Центр, Старосадский пер., 7
Цветной 0-30
Д-117-81